

УДК 343.327:343.211 (575.2)

**К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ
К НАСИЛЬСТВЕННОМУ ИЗМЕНЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Г.Б. Жунушова

Проведен анализ конструкции диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя по законодательству Кыргызской Республики; обозначены недостатки правовой конструкции и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: конституционный строй; безопасность государства; насильственное изменение конституционного строя; захват власти; объект преступления; объективная сторона преступления.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МЫЙЗАМДАРЫ БОЮНЧА КОНСТИТУЦИЯЛЫК
ТҮЗҮЛҮШТҮ КҮЧ МЕНЕН ӨЗГӨРТҮҮГӨ ЭЛ АЛДЫНДА АЧЫК ЧАКЫРГАНДЫГЫ
ҮЧҮН КЫЛМЫШ-ЖАЗА ЖООПКЕРЧИЛИГИ МАСЕЛЕСИ**

Макалада Кыргыз Республикасынын мыйзамдары боюнча эл алдында конституциялык түзүлүштү күч колдонуп өзгөртүүгө чакыруу үчүн жоопкерчиликти караган жазык-укуктук ченемдердин диспозициясынын түзүлүшүнө талдоо жүргүзүлгөн, укуктук конструкциянын кемчиликтери белгиленген жана аларды жоюунун жолдору сунушталган.

Түйүндүү сөздөр: конституциялык түзүлүш; мамлекеттик коопсуздук; конституциялык түзүлүштү күч менен өзгөртүү; бийликти басып алуу; кылмыш объекти; кылмыштын объективдүү тарабы.

**TO THE ISSUE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR PUBLIC CALLS
TO THE ENFORCED CHANGE OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM
UNDER THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC**

G. B. Junushova

The article analyzes the design of the disposition of the criminal legal norm, which provides for responsibility for public appeals for violent change of the constitutional order under the legislation of the Kyrgyz Republic, outlines the shortcomings of the legal framework and suggests ways to overcome them.

Keywords: constitutional system; state security; violent change of constitutional order; seizure of power; object of crime; objective side of crime.

В условиях проводимой в Кыргызской Республике реформы уголовного законодательства, а также в связи с бесспорной важностью нормальной реализации основ конституционного строя, для безопасности государства актуализируется проведение научного исследования вопросов уголовной ответственности за публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя.

В ныне действующем Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. (да-

лее УК КР) в ст. 297 законодателем предусмотрено наступление уголовной ответственности за публичные призывы к насильственному захвату власти или насильственному изменению конституционного строя [1]. В обновленном уголовном законодательстве состав рассматриваемого преступления претерпел определенные изменения при описании объективных признаков в диспозиции соответствующей статьи. Так, в ст. 310 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля

2017 г., который вступает в силу с 1 января 2019 г. (далее УК КР 2017 г.), законодатель признает преступными публичные призывы к насильственному захвату или насильственному удержанию власти, а равно к насильственному изменению конституционного строя [2]. Таким образом, и в действующем, и в новом уголовном законодательстве Кыргызской Республики объектом уголовно-правовой охраны рассматриваемых составов выступают основы конституционного строя и безопасность государства.

Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. [3] не раскрывает понятия основ конституционного строя, а только ограничивается закреплением широкого круга общественных отношений в разделе первом – “Основы конституционного строя”. Для того, чтобы определить, что же из себя представляет конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны в рамках исследуемых составов преступлений, считаем целесообразным обратиться к доктринальным работам. Так, М. В. Баглай понимает под конституционным строем: “Порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с Конституцией” [4, с. 103]. Более подробное определение конституционного строя как объекта уголовно-правовой охраны предложено Н.И. Ветровым и Ю.И. Ляпуновым: “Определяемые Конституцией, исходные принципы конституционного строя, экономических отношений, политической системы общества, статуса личности” [5, с. 639]. Однако, по нашему мнению, в таком определении нарушается предикативность и допускается самореференция, т. е. определение понятия раскрывается через само себя. Наиболее предпочтительным выступает следующее понимание основ конституционного строя как объекта уголовно-правовой охраны: “Закрепленные в Конституции основополагающие начала организации общества и государства, обладающие наивысшей юридической силой и определяющие содержание всей правовой системы государства” [6, с. 8–9]. Однако, по нашему мнению, в рамках гл. 29 УК КР основы конституционного строя как объект правовой охраны законодатель рассматривает в несколько усеченном виде, по сравнению с тем, как такие основы предусматриваются в Конституции. Так, в рамках гл. 29 УК КР закреплен ряд составов преступлений, посягающих, главным образом, на нормальную реализацию государственной власти: государственная измена (ст. 292); шпионаж (ст. 293); посягательство на жизнь или здоровье государственного или общественного деятеля (ст. 294); насильственный захват власти или насильственное удержание власти

(ст. 295); сепаратистская деятельность (ст. 295-1), вооруженный мятеж (ст. 296); публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя (ст. 297); диверсия (ст. 298); разглашение государственной тайны (ст. 300); утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 301) [1]. Остальные составы преступлений главы 29 УК КР должны быть отнесены к преступлениям экстремистской направленности.

Таким образом, непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления выступает система общественных отношений, обеспечивающих нормальную реализацию основ конституционного строя, как закрепленных в Конституции основополагающих начал организации общества и государства, обладающих наивысшей юридической силой и определяющих содержание всей правовой системы государства.

Э.С. Ахъядов предлагает: “В качестве дополнительного объекта могут выступать права и свободы человека и гражданина, а также общественный порядок, поскольку преступление совершается публично” [7]. Однако мы не согласны с выделением в качестве дополнительного объекта прав и свобод человека и гражданина, так как данные блага в рамках рассматриваемого состава полностью охватываются непосредственным объектом.

Объективная сторона рассматриваемых составов сконструирована законодателем способом перечисления альтернативных действий: публичные призывы к насильственному захвату власти или насильственному изменению конституционного строя [1]; публичные призывы к насильственному захвату или насильственному удержанию власти, а равно к насильственному изменению конституционного строя [2]. Таким образом, в новом уголовном законодательстве признаки объективной стороны законодателем были расширены. Однако ни в действующем, ни в новом уголовном законодательстве КР законодатель не раскрывает содержание признака публичности.

В Постановлении Пленума Верховного суда Кыргызской Республики “О судебной практике по разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации” от 13 февраля 2015 г. № 4 (далее Постановление Пленума) дано следующее определение публичных выступлений, которое, по нашему мнению, следует учитывать при определении признака публичности, содержащегося в диспозиции рассматриваемых составов преступлений: “Под публичным выступлением понимается сообщение для всеобщего сведения, которое оглашено непосредственно либо с помощью технических средств в месте, открытом для свободного посещения, где присутствует значительное

число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, в обстановке, свидетельствующей, что сообщение воспринимала публика” [8]. Однако, если отталкиваться только от определения публичных выступлений, данных в Постановлении Пленума, фактически остаются за пределами круга уголовного регулирования призывы, например, к двум лицам, совершенные с использованием интернет-ресурсов. Например, создается открытая группа в мессенджере, где размещаются подобные призывы, но имеющая всего двух участников группы, помимо ее создавшего лица.

Если публичным призывом считать обращение, сделанное в отношении двух и более лиц, и такие лица не должны быть какими-то конкретными лицами, т. е. призывы не должны носить адресного характера, то здесь опять возникает проблема квалификации действий лица, например осуществляющего рассылку публичных призывов к насильственному изменению конституционного строя посредством массовой рассылки таких призывов посредством смс-сообщений.

При этом в научной литературе существует мнение, о том, что “обсуждение подобных проблем в узком кругу единомышленников не образует данного преступления” [7].

В рамках рассматриваемого состава считаем целесообразным понимать под публичными призывами призывы, направленные в отношении двух и более лиц. При этом лица, в отношении которых такие призывы высказываются, не должны оказывать влияния на квалификацию содеянного. В таком случае будет достигаться наилучшая реализация принципа субъективного вменения, т. е. лицо понесет уголовную ответственность за то противоправное общественно-опасное деяние, на которое был направлен его умысел.

Однако законодатель оставляет за пределами действия уголовно-правового запрета призывы к насильственному захвату власти или насильственному изменению конституционного строя без признака публичности, т. е. когда такие призывы высказываются в отношении одного лица. В случае если такие призывы считать подстрекательством к совершению преступления, то вступают в действие правила о соучастии в преступлении (ч. 5 ст. 30 УК КР) [1]. При этом в ст. 297 УК КР не предусмотрен квалифицирующий признак, повышающий уголовную ответственность за совершение преступления в соучастии, что, по нашему мнению, является значительным недостатком действующего законодательства. Также в ст. 297 УК КР законодатель не учитывает, что в настоящее время помимо средств массовой информации, названных в ч. 2 ст. 297 УК КР, существует огромное

количество других способов массового распространения сообщений к неопределенному кругу лиц – интернет-ресурсы и социальные сети, не зарегистрированные в качестве средства массовой информации, файлообменники, группы в мессенджерах (WhatsApp, Viber и т. д.).

Данные недостатки конструкции ст. 297 УК КР были учтены законодателем при разработке и принятии УК КР 2017 г. Так, в ст. 310 УК КР 2017 г. в числе квалифицированных признаков указываются использование средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, а также совершение преступления группой лиц по предварительному сговору [2].

По нашему мнению, ввиду высокой общественной опасности данного состава преступления представляется целесообразным исключить из диспозиции ст. 297 УК КР и ст. 310 УК КР 2017 г. указание на совершение данного преступления публичным способом. Если же отказаться от исключения признака публичности из рассматриваемой уголовно-правовой нормы, то считаем целесообразным дополнить ст. 297 УК КР и ст. 310 УК КР 2017 г. примечанием о том, что публичными призывами следует считать обращение, сделанное в отношении двух и более лиц.

В действующем УК КР направленность публичных призывов нацелена на насильственный захват власти или насильственное изменение конституционного строя.

Призывы к насильственному захвату власти могут выражаться в призывах к физическому устранению лица, законно осуществляющего властные полномочия, а также в призывах принудительно изолировать такое лицо и самовольно занять его место. Призывы к насильственному захвату власти могут носить направленный характер в отношении отдельной ветви власти (законодательной, исполнительной или судебной), а также носить широкомасштабный характер, при котором их направленность нацелена на всех субъектов власти. Также призывы к насильственному захвату власти могут проявляться в призывах причинения вреда жизни и здоровью различной тяжести лицу, законно осуществляющему властные полномочия.

Призывы к насильственному изменению конституционного строя имеют своей направленностью формирование новой системы государственной власти и изменению конституционного строя. При этом призывы к насильственному изменению конституционного строя могут выражаться в призывах изменить структуру государственной власти, упразднить одни институты власти (например, отменить пост президента) и ввести новые, сузить демократические начала государственного

управления, принять насильственным путем новую “конституцию” с существенными деформациями прав и свобод личности и т. п.

В УК КР 2017 г. в диспозицию ч. 1 ст. 310 включен также такой признак объективной стороны, как публичные призывы к насильственному удержанию власти [2]. При этом призывы к насильственному удержанию власти выражаются в публичных призывах к действиям лица, обладавшего властью на законных основаниях, в передаче ее после истечения срока законных властных полномочий. Характер насильственных действий и вариантов квалификации их по совокупности с другими составами преступлений здесь аналогичен действиям, связанным с насильственным захватом власти.

Таким образом, следует отметить, что законодательная конструкция ст. 310 УК КР 2017 г. выступает более совершенной по отношению к ст. 297 действующего УК КР. Однако насколько эффективным и действенным будет новое уголовное законодательство, покажет время и практика его применения.

Литература

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года № 69. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568/1170?cl=ru-ru&mode=tekst> (дата обращения: 10.06.2018).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года (вступает в действие с 1 января 2019 года). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.06.2018).
3. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.06.2018).
4. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. М.: Норма, 2005. 784 с.
5. Уголовное право: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Юриспруденция, 2007. 752 с.
6. *Дурнова И.А.* Правовой механизм защиты основ конституционного строя Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / И.А. Дурнова. Саратов, 2013. 26 с. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/11-04-2013-2.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).
7. *Ахьядов Э.С.* Анализ состава публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) / Э.С. Ахьядов // Евразийский Научный Журнал. 2016. № 3. URL: <http://journalpro.ru/articles/analiz-sostava-publicnykh-prizyvov-k-osushchestvleniyu-ekstremistskoy-deyatelnosti-st-280-uk-ru/> (дата обращения: 10.06.2018).
8. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики “О судебной практике по разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации” от 13 февраля 2015 года № 4. URL: <http://act.sot.kg/posts/post57763c61657bd.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).